

А. И. Корюшкин

ИСТОРИЧЕСКИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ДВИЖЕНИЯ «PERESTROIKA» В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Автор исследует проблему корреляции причин и содержания деятельности движения «Перестройка» в американской политической науке начала XXI в. и «Движения за новую политическую науку» 60–70-х годов прошлого века и выявляет их существенное сходство и даже совпадение по большинству пунктов их критических положений и требований, что свидетельствует об устойчивом характере некоторых негативных тенденций в теоретико-методологических и практических аспектах развития политической науки в США, которые и анализируются в статье. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: движение «Перестройка», исторический прецедент, постаутистская экономическая теория, бихевиорализм, «Движение за новую политическую науку», пост-бихевиоральная фаза, методологический монополизм, «экуменическая» наука.

A. I. Koryushkin

HISTORICAL AND ACTUAL IMPLICATIONS OF “PERESTROIKA” MOVEMENT IN CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL SCIENCE

The author explores a problem of correlation of reasons and contents of the activities of “Perestroika” movement in American political science of the beginning of the 21st century and of the “Caucus for New Political Science” of the 60-70s of the last century and reveals their essential similarity and even concurrence of the most points of their critical theses and demands that testifies to the stable character of some negative tendencies in theoretico-methodological and practical aspects of the development of political science in the USA that are being analyzed in the article. Refs 16.

Keywords: “Perestroika” movement, historical precedent, post-autistic economics, behavioralism, post-behavioral phase, “Caucus for New Political Science”, methodological monopolism, “ecumenical” science.

Введение

На протяжении полутора веков истории американской политической науки были предприняты четыре существенные попытки коренной трансформации исследовательской «повестки дня» этой научной дисциплины, две из которых — statism (утверждение государства в качестве предмета политической науки) и бихевиорализм — оказались вполне успешными, способными определить содержание и вектор развития политической науки на несколько десятилетий, тогда как две другие — плюрализм и «Движение за новую политическую науку» — не смогли оказать на нее столь же глубокого влияния (см.: [1, p. 487]). В самом начале XXI в. еще одну, уже пятую в истории американской политической науки, попытку такой ее трансформации предприняло движение американских политологов, известное

Корюшкин Александр Иванович — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; alexander.koryushkin@gmail.com

Koryushkin Alexander I. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexander.koryushkin@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

под именем «Perestroika», исторические и современные смыслы и корреляции которого и являются предметом нашего анализа.

15 октября 2000 г. анонимный автор, назвавший себя «Mr. Perestroika», отправил в Американскую ассоциацию политической науки (APSA), в ее журнал «American Political Science Review», а также дюжине самых влиятельных американских политологов электронное сообщение, в котором утверждал, что как в Ассоциации и ее журнале, так и в самой американской политической науке царит «оруэлловская» система практически полной монополии и тотального доминирования политологов, исповедующих принципы теории рационального выбора, теории игр и других формально-математических, количественных методов исследования как единственно научных, что закрывает дорогу публикациям и научной карьере политологов, придерживающихся альтернативных, качественных методов исследования политики посредством сравнительно-исторических, культурологических, психологических интерпретаций, и призвал к коренной перестройке этой системы на основе демократизации научно-организационной деятельности политологического сообщества и развития и утверждения в ней методологического плюрализма [2]. Это сообщение моментально распространилось среди американских политологов и получило весьма значительную поддержку. Так, 3 ноября «Открытое письмо руководству и членам Американской ассоциации политической науки» подписало более двухсот влиятельных американских политологов, из них 24 заведующих кафедрами. В нем утверждалось, что, «хотя некоторые из получателей этого сообщения и испытывали дискомфорт от его анонимности и остро полемического тона, тем не менее поразительное количество ученых из всех слоев нашей профессии сочли необходимым заявить, что они тоже разделяют эту глубокую неудовлетворенность status quo». А 4 ноября в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась публикация, в которой сообщалось о революции в американской политической науке.

Действительно, события развивались стремительно, и уже через несколько месяцев появились организационные черты целого движения в американской политической науке, присвоившего себе имя “Perestroika”, хотя единственным очевидным признаком его организации стала платформа интернет-сервиса по обмену электронными сообщениями “Perestroika List Serve”. Вскоре число подписчиков этого интернет-сервиса приблизилось к тысяче (при общем числе членов Американской ассоциации политической науки в 15 тысяч). При этом большая часть американских политологов предпочла участвовать в этом форуме так же анонимно, как и Mr. Perestroika, что, надо полагать, само по себе является признаком каких-то действительно серьезных проблем в современной американской политической науке.

В данной статье предпринимается попытка обнаружения исторических и современных прецедентов движения «Perestroika» в американской политической науке и смежных научных дисциплинах и выявления и анализа его основных содержательных требований и результатов деятельности.

Современный и исторический прецеденты

Внешний импульс к возникновению в американской политической науке движения «Perestroika» пришел из Парижа, где в июне 2000 г. несколько студентов-экономистов распространили петицию, содержащую призыв к радикально-

му реформированию университетских образовательных программ по экономике. К удивлению самих студентов, французские СМИ моментально отреагировали на их петицию. Так, 21 июня в парижской газете «Монд» появилась статья под заголовком «Студенты-экономисты осуждают недостаток плюрализма в их образовании», в которой, цитируя студенческую петицию, утверждается, что в экономической науке возникла ситуация настоящей шизофрении, превратившей экономическое моделирование в «цель в себе», отрезав, таким образом, экономику от реальности и ввергнув экономическую науку в состояние аутизма, лишенности связи с жизнью общества. Студенты, пишет «Монд», призывают к пресечению гегемонии неоклассической экономической теории и основанных на ней подходов к исследованию экономики в пользу многообразия, плюрализма подходов, особенно тех, что предполагают анализ конкретной реальности. Далее приводится мнение профессора экономики Жана-Поля Фитусси, поддержавшего студентов-авторов петиции в их осуждении характера преподавания экономической науки, о том, что чрезмерное использование математического аппарата лишает экономический дискурс связи с его предметом. В другой французской газете, «Эко», в пространной статье в номере от 23 июня отмечалось, что «недомогание» в экономической науке носит общий и долговременный характер, здесь под прикрытием научности культивируется антинаучная среда, которая не оставляет места для размышлений и дискуссий. А во французском еженедельном журнале «Нувель Экономист» в номере от 30 июня утверждалось, что экономическая наука поддалась патологическому искушению априорных идеологий и математической формализации, лишаящих ее связи с реальностью, и что она должна отказаться от подражания физике и обратиться вместо этого к использованию ресурсов гуманитарных наук. Подобные статьи и материалы появились летом 2000 г. во многих французских и бельгийских газетах и журналах, а также на радио и телевидении. Интересно, что на проходившем в августе этого же года в Великобритании, в Кембриджском университете, 10-ом Всемирном конгрессе по социальной экономике его американские участники говорили о продолжающейся и даже возрастающей в их научно-экономической среде неоклассической «сталинизации», в ходе которой буквальной «чистке» подвергаются ее оппоненты.

В этой ситуации в конце лета 2000 г. французскими студентами-экономистами инициируется образование движения с «говорящим» названием «Post-Autistic Economics», а в сентябре этого же года выходит первый номер их электронного журнала «Post-Autistic Economics Newsletter», предоставившего затем свои страницы и для дискуссии, которая через пару месяцев развернется в рамках движения «Perestroika» в американской политической науке. Представляется, что именно такое развитие событий сначала во Франции, а вскоре и в других европейских странах послужило побудительным мотивом к появлению в американской политологической среде такого феномена, как Mr. Perestroika с его письмом, обращенным как к политологическим «властям предержащим», так и ко всем коллегам, и указывающим во многом на те же проблемы, длительное время назревавшие в американской политической науке, что существовали и в европейской и в целом в мировой экономической науке.

Все это очень напоминает ситуацию конца 1960-х годов, когда после возникновения в американской политологии в 1967 г. Движения за новую политическую

науку (Caucus for New Political Science или CNPS), очевидного предшественника движения «Perestroika», Дэвид Истон в своем президентском послании ежегодному конгрессу APSA в 1969 г. возвестил о постбихевиоральной революции в политологии и призвал к развитию постбихевиорального подхода в политической науке, который в нашем контексте можно определить как «постаутистский» подход, суть которого заключается — как тогда, так и сейчас — в том, чтобы преодолеть ситуацию, когда «в своем желании стать научной политическая наука за прошедшие несколько десятилетий обнаруживает тенденцию утраты контакта со своей онтологической основой» [3, р. 489], т.е. с политикой, что можно интерпретировать как своеобразный аутизм американской политической науки, который возник и развился в ходе знаменитой бихевиоральной революции 1950-х — 1960-х годов. Как результат этой революции, уже в 1961 г. в своей статье «Бихевиоральный подход в политической науке. Эпитафия для памятника успешному протесту» [4] Роберт Даль констатировал утверждение поведенческого, бихевиорального подхода в качестве господствующего в американской политической науке, а далее, в 60-е годы, по нарастающей шел процесс занятия сторонниками этого подхода командных позиций в APSA, в редакционных коллегиях наиболее влиятельных политологических журналов и на кафедрах политической науки ведущих университетов США, которые начали все более настойчиво и даже воинственно насаждать и отстаивать этот подход в качестве единственно научного.

Все более утверждавшаяся тогда гегемония такого, позитивистски ориентированного бихевиорального подхода вызвала резкую критику как «справа», суть которой отражена в «Эссе о научном изучении политики» (1962), написанном Лео Страуссом и его последователями [5], так и «слева», в сборнике «Аполитичная политика. Критика бихевиорализма» 1967 г. [6]. Если первая из этих книг содержит критику бихевиорализма с научно-консервативных позиций, просто отрицая его в качестве легитимного научного подхода и утверждая, что политическая наука по сути тождественна политической философии, то вторая анализирует и оспаривает консервативные идеологические основания бихевиорализма с принципиально либеральных позиций.

Фактически сборник эссе «Аполитичная политика» явился своеобразным манифестом CNPS, возникшего в ходе ежегодного конгресса APSA, проходившего в Чикаго в сентябре 1967 г. Сборник представляет собой весьма интересную и во многом достаточно убедительную попытку систематической критики бихевиорализма, сфокусированной на его трех главных проблемах, составляющих своеобразный «бихевиоральный синдром». Во-первых, утверждают его авторы, поведенческие исследования идеологически консервативны в том смысле, что они имплицитно, а иногда и явным образом, содержат оправдание статус-кво американской экономической, социальной и политической систем. Детальный анализ бихевиоральных текстов обнаруживает наличие в них скрытых идеологических оснований, в результате чего политологи-бихевиоралисты, несмотря на их претензию быть вне политики, оказываются вовлеченными в нее, обеспечивая идеологическую защиту существующего политического порядка, что противоречит изначальной ориентированности американской политической науки на изучение и совершенствование демократии и ее самоидентификации как науки о демократии. Во-вторых, пишут авторы сборника, в широко распространенных в бихевиоральных исследовани-

ях попытках рационализации «неучастия неэлит» в процессе принятия решений и даже оправдания неучастия в выборах как необходимого условия для поддержания равновесности системы присутствует очевидный страх перед широкой народной демократией. В-третьих, утверждают они, следуя строгим методологическим принципам и применяя тщательно разработанные методики сбора данных, поведенческие политологические исследования чаще всего игнорируют наиболее важные политические проблемы. Как правило, политологи-бихевиоралисты отбирают темы для изучения не на основе их политической значимости, а руководствуясь принципом применимости методологии и освоенной ими техники исследования к изучению той или иной проблемы, а также наличия по этой проблеме широкой базы данных, что позволило бы использовать все более изощренные количественные методы. В результате бихевиоралисты стали заложниками своей методологии, которая, предполагая ценностную нейтральность политологических исследований, означала их ориентирование на применение новых, все более изощренных технологий и статистических методов, при этом делая их все более узкими, тривиальными и аполитичными по содержанию.

При этом авторы сборника, в отличие от «страуссианцев», не отрицали необходимости научного изучения политики. Они признавали тот факт, что бихевиорализм вносит большой вклад в развитие политической науки, используя все более строгие научные методы исследования, ориентируя исследования на построение политической теории и применяя в них методы и научные данные социологии, психологии и экономической науки. Вместе с тем, они полагали, что современное им поколение бихевиоралистов стало фактически поколением «методологических экстремистов», провозглашавших необоснованные требования, намного превосходившие научно-методологические требования, выдвигавшиеся такими основателями поведенческого подхода, как Чарльз Мерриам, В. О. Ки и Гарольд Лассуэлл. Бихевиоралисты 1960-х, апеллируя к авторитету этих грандов политической науки, систематически игнорировали их базовые постулаты, в частности их очевидную нормативную приверженность идее совершенствования демократии.

Позднее, характеризуя возникшую тогда «бихевиоральную ортодоксию», Майкл Паренти, один из наиболее ярких представителей CNPS, отмечал, что (1) в своей попытке радикального отказа от идеографического знания в пользу номотетического бихевиоралисты безосновательно акцентировали внимание лишь на политическом процессе, игнорируя при этом содержание и сущность политических событий и систем, — при этом процессы, абстрагированные от их конкретного содержания, трактовались внеисторическим, редукционистским образом, хотя именно конкретно-историческое явление и знание о нем является чаще всего намного более значимым, чем обобщенные паттерны поведения и процесса; (2) по мере совершенствования и усложнения методов бихевиоральных исследований они во все возрастающей степени ориентировались на узкие, менее значимые проблемы, так как само требование научной строгости метода по необходимости ограничивает круг и характер исследуемых проблем, в результате чего «методологическая гора рождает интеллектуальную мышь»; (3) бихевиоральные исследования обзавелись всеми внешними проявлениями науки, и часто это создает впечатление, что они являются более строго научными, чем в действительности; более того, в своем стремлении создать впечатление научной нейтральности, бихевиоралисты

зачастую избирают нейтральные, непротиворечивые объекты и темы для своих исследований, в результате чего вместо нейтрализации самих исследователей нейтрализуется и потому искажается предмет научных исследований политики; (4) бихевиоралисты, вследствие концентрации внимания на абстрактно интерпретируемом политическом процессе, фактически игнорируют значение социальных эффектов конкретных политических курсов, анализ которых предполагает, по их мнению, формулирование определенных ценностных суждений, которых они хотели бы избегать; в действительности же имеет место принципиальное различие между (а) вынесением ценностных суждений об эмпирических явлениях и (б) эмпирическим исследованием ценностно нагруженной, по сути своей политической, деятельности; а это означает, пишет М. Паренти, что на самом деле желание избежать первой стороны этого различия не должно приводить к игнорированию второй его стороны; (5) большинство бихевиоральных политологических исследований основано на допущении, что как процесс, так и результаты функционирования политической системы имеют в целом позитивный характер, что чем выше способность системы оценивать, предсказывать и контролировать поведение людей, тем лучше, в результате чего такие исследования приобретают по сути апологетический характер, а сама политическая наука фактически ставится на службу правящему режиму, военно-промышленному комплексу и крупнейшим бизнес-корпорациям [7, p. 192–193].

Побудительным мотивом создания CNPS стал отказ Исполнительного совета APSA принять к голосованию на Конгрессе ряд резолюций, самые спорные из которых были связаны со статьей 2 Конституции APSA, которая провозглашает, что Ассоциация «не будет ни подвигать своих членов к решению вопросов публичной политики, ни занимать позиции, непосредственно не связанные с ее непосредственной целью», заключающейся в том, чтобы «способствовать развитию политической науки». Эта статья была использована руководством APSA для предотвращения внесения в повестку дня и обсуждения различных политических резолюций, призывающих Ассоциацию занять определенную позицию по отношению к современным политическим проблемам, таким, в частности, как война во Вьетнаме, расовый антагонизм, бедность, загрязнение окружающей среды и т. д. Буквально на другой день после того, как среди участников конгресса распространилось мнение, что руководство APSA не проявляет озабоченности политическими проблемами современного мира, здесь было создано и затем официально признано в структуре APSA «Движение за новую политическую науку», насчитывающее 225 членов и возглавляемое исполнительным комитетом в составе 13 человек, председателем и вице-председателем которого были избраны соответственно Марк Рёлофс и Чарльз Маккой, последний стал одним из соредакторов вскоре вышедшего из печати сборника эссе «Аполитичная политика. Критика бихевиорализма».

С самого начала деятельности CNPS выступало за преобразование APSA в организацию, ориентированную на содержательную политическую дискуссию и методологическое разнообразие. Одним из первых результатов этой деятельности явился тот факт что, в ответ на критику со стороны CNPS в конце 1967 г. был основан и до сих пор продолжает выходить в свет новый журнал APSA “PS: Political Science and Politics”, анализирующий проблемы современной политики, преподавания

политической науки и самой научной дисциплины о политике. Вместе с тем, несмотря на многочисленные трагические политические события следующего, 1968 г., произошедшие как в самих США, так и во многих странах мира — убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, обострение американской войны во Вьетнаме, широчайшие студенческие волнения в США и Западной Европе, кризисные, а часто и кровавые события в Японии, Индонезии, Боливии, Китае и Чехословакии — ни одна из официальных секций ежегодного конгресса APSA, проходившего осенью 1968 г., не была посвящена их анализу и обсуждению, на нем не было соответствующих политических дискуссий, которые могли бы «вдохнуть жизнь» в политически стерильную атмосферу заседаний конгресса. Однако уже в следующем, 1969 г. CNPS добилось-таки права (и до сих пор продолжает им пользоваться) организовывать на ежегодных конгрессах APSA собственные секционные заседания (panels), посвященные научному анализу и интерпретации наиболее злободневных проблем современной политики.

При этом есть все основания полагать, что знаменитое «кредо релевантности», сформулированное Дэвидом Истоном в его президентском послании конгрессу APSA этого же года «Новая революция в политической науке» [8], а также провозглашенное им здесь наступление новой, постбихевиоральной фазы развития политической науки являются прямым порождением и следствием развернувшихся в американской политической науке во второй половине 1960-х годов широкой дискуссии и содержательной критики онтологических, эпистемологических и методологических оснований бихевиорального подхода и его практической бесплодности, в наиболее яркой форме представленной в рамках CNPS, члены которого в своих научных публикациях и докладах формулировали тезисы, практически идентичные тем, что были прописаны Дэвидом Истоном в его послании конгрессу APSA как семь «ипостасей» этого «Кредо»: (1) суть проблемы должна предшествовать технике ее исследования; (2) бихевиоральная наука скрывает идеологию эмпирического и, как следствие, социального консерватизма; (3) бихевиоральное исследование по необходимости теряет связь с реальностью; (4) изучение и конструктивная разработка ценностей являются неотъемлемой составной частью изучения политики; (5) члены научного сообщества несут присущую всем интеллектуалам историческую ответственность за практическое применение их знаний; (6) знать — значит нести ответственность за действие, а действовать — значит участвовать в переустройстве общества; (7) политизация профессии не только неизбежна, но и желательна (см.: [8]). Они, по мнению Истоны, «представляют собой своеобразные веберовские идеальные типы вызовов бихевиорализму». «Как таковое, пишет он, это кредо обозначает значимые характеристики постбихевиоральной революции, которая разворачивается сегодня» [8, p. 1052].

Весьма показательным, что президентское обращение Истоны было напечатано в одном номере со статьей одного из сторонников и членов «Движения за новую политическую науку» Шелдона Уолина «Политическая теория как призвание», в которой он обращает внимание на то, что политическая наука представляет собой глубоко социальное явление, подверженное влиянию различных социальных факторов, оказывающих влияние на ее смысл, содержание и направленность деятельности, а само знание о политике является продуктом политических решений, которые не всегда выглядят как политические (см.: [9]). Уже тогда, в конце 1960-х годов, было

достаточно ясно, а сейчас становится еще более очевидным, что именно методологизм, занимающий все большее место в политической науке, а не простое противопоставление количественных и качественных методов исследования является главной, фокусной проблемой дискурса о смысле и общественной миссии политической науки. «Сосредоточение внимания на методах, — пишет Уолин, — означает не просто попытку обретения набора новых инструментов, но предполагает определенную точку зрения, которая имеет глубокие последствия для эмпирического мира, для профессии и обучения политологов, для ресурсов, которые питают теоретическое воображение» [9, с. 1063]. Данный методологизм представляется в этом смысле отнюдь не нейтральным явлением, он несет в себе большое число некритическим образом воспринятых положений о «данности» и «корректности» существующих политических практик, видов поведения, структур и институтов, поддерживая тем самым методологический подход, который оставляет эти положения не подвергнутыми критическому переосмыслению. Для такого политолога в качестве технического специалиста важно лишь то, как поставить вопрос, а не то, какой вопрос задать. Однако и способ постановки вопроса отнюдь не нейтрален. Всякий метод предполагает поиск таких закономерностей, которые отражают основные паттерны поведения, которые правящая элита стремится продвинуть и поддержать. Общей же направленностью поддержки специфических паттернов поведения всякого политического истеблишмента, включая и научный, является стабильность, составляющая смысл социального консерватизма и вступающая здесь в противоречие с традиционной американской трактовкой политической науки как творческой по своему характеру науки о демократии.

Именно научный истеблишмент американской политологии, а также способы организации и характер деятельности APSA стали объектом критики CNPS. Указывая на открытую поддержку руководящими органами APSA бихевиорального подхода в политической науке, CNPS утверждало, что права на организацию на конгрессах APSA собственных заседаний недостаточно, что необходимо выдвигать своих собственных кандидатов на все руководящие должности APSA (см.: [10, р. 292]), что может, по их мнению, стать, в результате распространения демократии на деятельность самой Ассоциации, где никогда прежде не проводилось конкурентных выборов, одним из способов демонстрации и легитимации альтернативных подходов к научному изучению политики (см.: [10, р. 5]). И действительно, на конгрессе 1969 г. CNPS удалось выдвинуть своих кандидатов на все должности в APSA. Однако ни в этом году, ни в последующие пять лет CNPS так и не удалось добиться избрания своих представителей на высшие должности в руководстве APSA, после чего оно отказалось от этой практики, продолжая и развивая при этом свою критическую научно-организационную и теоретическую деятельность как по отношению к APSA, так и применительно к способу и характеру развития самой американской политической науки. Для этого в 1979 г. CNPS начало издание собственного научного журнала “New Political Science: A Journal of Politics and Culture”, который и до сих пор продолжает выходить четырьмя номерами в год под эгидой крупнейшего британского академического издательства Routledge.

Вместе с тем, как пишет в книге «Трагедия политической науки» Дэвид Риччи, «постбихевиорализм возник в политической науке как явление, название которо-

го — так же, как и контркультуры — обозначало скорее разделяемое намерение избавиться от чего-то, чем общее представление о направлении, в котором следует развиваться этой научной дисциплине» [11, p. 189]. Действительно, замечательное по сути и сбалансированное по содержанию обоснование насущной необходимости обретения политической наукой гораздо большей политической значимости при сохранении и даже умножении ее научной состоятельности, представленное Дэвидом Истоном в его президентском обращении «Новая революция в политической науке», было воспринято подавляющим большинством американских политологов, как это ни парадоксально, в качестве набора прекраснородушных, а в глазах многих, наоборот, даже пагубных рекомендаций. Поэтому хотя и достаточно радикальным, но в целом правомерным представляется мнение Хайнца Эулау о том, что, несмотря на резко возросшее в последующие годы количество разработок конкретных политических курсов (policy studies) и большее разнообразие методологических подходов к изучению политики в американской политической науке, постбихевиоральной революции здесь фактически не было (см.: [12]), хотя и до сих пор последнюю треть прошлого века принято называть постбихевиоральной фазой развития политической науки.

«Perestroika»: причины и смысл требований и результаты деятельности движения

К концу прошлого века во многом паллиативный или даже номинальный характер изменений в деятельности американской политической науки в рамках «постбихевиоральной» фазы ее развития становился все более очевидным. Задуманное еще Чарльзом Мерриамом и Гарольдом Лассуэллом и затем декларированное Дэвидом Истоном преобразование политической науки по преимуществу в policy science, призванную, развернувшись лицом к политике, отвечать на вызовы времени и развивать и углублять свой научный потенциал, разрабатывая конкретные политические курсы в отношении самых актуальных социально-политических проблем, обернулось резким усилением к началу XXI в. сциентистских тенденций в организации всех сторон деятельности политической науки в США. Так, смоделированная по образцу естественных и точных наук методология политического исследования предполагает здесь отказ от метода интерпретации как «ненаучного» в пользу метода объяснения как способа обнаружения причинно-следственных связей, а значит, и отказ от основных методов большинства социально-гуманитарных наук в пользу методологии на базе теории рационального выбора, формально-статистического моделирования и теории игр с применением все более серьезного математического аппарата. Нормативная политическая теория и политическая философия вытесняются из политической науки и заменяются эмпирической политической теорией, призванной обнаруживать вневременные, внеконтекстные закономерности абстрактного политического процесса, лишённого сущностных смыслов и ценностных коннотаций, в результате чего политика как предмет политической науки лишается большинства важнейших аспектов ее содержания, превращаясь в череду плоских процессов «принятия решений».

Такое развитие столь глубинных по своей сути процессов происходит в американской политической науке отнюдь не спонтанным образом, здесь задействован

весь ее потенциал как научной дисциплины, профессии и, главное, социального института как определяющего по отношению к научно-профессиональным аспектам деятельности фактора. Имманентно присущий такому развитию событий приоритет метода по отношению к проблеме, количественных методов исследования по отношению к качественным, технологического истолкования политики по отношению к сущностному освящается и определяется всеми основными составляющими социального института американской политической науки. Это APSA и ее главный научный журнал "American Political Science Review" и журналы региональных политологических ассоциаций, Национальный научный фонд США и мощные благотворительные фонды, университеты и колледжи с их влиятельными попечительскими советами, определяющими научную политику кафедр политической науки в разработке и утверждении критериев найма на работу профессиональных политологов и состава и содержания учебных программ студентов и аспирантов. В результате под благородным лозунгом придания политической науке более высокого научного статуса научные администраторы всех уровней, преимущественно являющиеся приверженцами эмпирико-теоретических и количественных методов исследования политики, реализуют специфическую, основанную на утверждении якобы ненаучного характера качественных (qualitative) исследований и провозглашении количественных исследований как единственно научных, практику принятия научных статей к публикации и проводят соответствующую политику подбора и обучения кадров современной американской политической науки, тем самым задавая общий характер и направление ее развития. Именно такого рода своеобразный «методологический тоталитаризм», сформировавшийся в американской политической науке, и его многочисленные интеллектуальные и практические последствия и явились причиной «бунта» в ней в лице движения «Perestroika», в наиболее концентрированном выражении требования которого сформулировал Грэг Казса, политолог из Индианского университета и один из авторитетных лидеров этого движения.

Так, он определил его общую ориентацию на то, чтобы направить развитие политологии в сторону «экуменической» науки. Такая наука, полагает Г. Казса, должна быть основана на трех принципах: (1) в основе научных исследований в политологии лежат реальные политические проблемы, а не методы их изучения, (2) в ней реализуется истинный методологический плюрализм, (3) исследования проводятся на широкой междисциплинарной базе, включая естественные, социальные и гуманитарные науки. Такая экуменическая наука, считает он, объединит исследователей, применяющих различные методы и подходы для изучения существенных политических проблем как нормативного, так и практического характера. Методологический плюрализм следует распространить на все вопросы формирования научно-педагогических кадров, составления программ обучения будущих политологов и принятия научных статей к публикации. Для этого, пишет он, необходимо «(1) восстановить политическую философию в правах центра политических исследований таким образом, чтобы смысл и цели политической жизни вновь стали бы нашими общими фокусными понятиями, (2) расширить методологическую подготовку студентов-политологов за пределы лишь дедуктивной теории и количественных исследований с включением в нее всего многообразия качественных методов изучения, (3) внедрять инновационные стратегии для реорганизации исследова-

ния важнейших проблем политической жизни, (4) остановить снижение удельного веса разработок политических курсов (policy studies), (5) перестроить работу профессионально-политологических ассоциаций и научно-политологических журналов в направлении утверждения приоритета важности и сущности политических проблем по отношению к методам и подходам к их исследованию, (6) возобновить приверженность делу изучения политики в различных регионах мира, (7) расширить практику междисциплинарных исследований посредством обучения будущих поколений политологов методам таких исследований» [13, p. 599].

Каждый из этих тезисов и требований Г. Казса нашел то или иное отражение как в активистской деятельности приверженцев движения «Perestroika» в рамках APSA и кафедр политической науки университетов и колледжей, так и в многочисленных научных публикациях, посвященных этому движению. По ним возникла и до сих пор продолжается довольно интенсивная дискуссия. В 2005 г. вышла в свет объемная коллективная монография “Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science” («Перестройка! Шумное восстание в политической науке») [14], где как сторонники, так и оппоненты движения проанализировали самые разные его аспекты, усмотрев в причинах и содержании его деятельности в новых условиях XXI в. практически те же мотивы, что и в деятельности CNPS около сорока лет тому назад. В 2010 г. в рамках журнала “PS: Political Science and Politics” был проведен научный симпозиум «Перестройка в политической науке: прошлое, настоящее и будущее» [15], который фактически констатировал угасание практической деятельности движения и его уход в теоретическую плоскость. А в 2015 г. журнал “Perspectives on Politics” [16], который был создан в ответ на требования сторонников движения, провел еще один симпозиум, оценивший результаты его деятельности за прошедшие 15 лет. Общая характеристика этих результатов в этих и других многочисленных публикациях о движении «Perestroika» в американской политической науке сводится к тому, что, с одной стороны, движение, вызвав значительный резонанс среди политологов США, сформировало в американской политической науке достаточно устойчивый, содержательный дискурс относительно его требований, добилось некоторого присутствия его членов в руководящих структурах Американской ассоциации политической науки и даже (!) смогло настоять на создании официальной секции в ее составе, в которой объединены сторонники качественных методов исследования, однако, с другой стороны, довольно очевиден поверхностный, паллиативный характер изменений, произошедших в американской политической науке, так или иначе вызванных деятельностью движения.

Вместе с тем, несмотря на то что «Perestroika» в американской политической науке так и не состоялась, и «Движение за новую политическую науку» конца 1960-х — начала 1970-х годов, и движение «Perestroika» 2000-х годов внесли немалый вклад в дело осмысления политической наукой ее идентичности, природы, целей и ответственности перед обществом.

Литература

1. Dryzek J. S. Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science // The American Political Science Review. 2006. Vol. 100, N 4. P. 487–492.
2. An Open Letter to the APSA Leadership and Members // PS: Political Science and Politics. 2000. Vol. 33, N 4. P. 735.

3. Almond G. A., Genco S. Clouds, Clocks, and the Study of Politics // *World Politics*. 1977. Vol. 29, N 4. P. 489–522.
4. Dahl R. A. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph to a Monument of a Successful Protest // *The American Political Science Review*. 1961. Vol. 55, N 4. P. 763–772.
5. *Essays on the Scientific Study of Politics* / ed. by H. J. Storing. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1962. vii+333 p.
6. *Apolitical Politics: A Critique of Behavioralism* / eds Ch. A. McCoy, J. Playford. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1967. 246 p.
7. Parenti M. The State of the Discipline: One Interpretation of Everyone's Favorite Controversy // *PS: Political Science and Politics*. 1983. Vol. 16, N 2. P. 192–193.
8. Easton D. The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*. 1969. Vol. 63, N 4. P. 1051–1061.
9. Wolin S. Political Theory as a Vocation // *The American Political Science Review*. 1969. Vol. 63, N 4. P. 1062–1082.
10. *An End of Political Science. The Caucus Papers* / eds M. Surkin, A. Wolfe. New York: Basic Books, 1970. 324 p.
11. Ricci D. M. *The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven; London: Yale University Press, 1984. 335 p.
12. Eulau H. Foreword: On Revolutions That Never were // *The Handbook of Political Behavior* / ed. by S. I. Long. New York: Plenum Press, 1981. P. VII–XV.
13. Kazsa G. Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics // *Ps: Political Science and Politics*. 2001. Vol. 34, N 3. P. 597–600.
14. *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science* / ed. by Kristen Renwick Monroe. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 587 p.
15. Symposium 'Perestroika in Political Science: Past, Present, and Future' // *PS: Political Science and Politics*. 2010. Vol. 43, issue 4. P. 725–754.
16. Reflections Symposium // *Perspectives on Politics*. 2015. Vol. 13, N 2. P. 408–430.

Для цитирования: Корюшкин А. И. Исторические и актуальные импликации движения «Перестройка» в современной американской политической науке // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2016. Вып. 4. С. 23–35. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.403

References

1. Dryzek John S. Revolutions without Enemies: Key Transformations in Political Science. *The American Political Science Review*, 2006, vol. 100, no. 4, pp. 487–492.
2. An Open Letter to the APSA Leadership and Members. *PS: Political Science and Politics*, 2000, vol. 33, no. 4, p. 735.
3. Almond G. A., Genco S. Clouds, Clocks, and the Study of Politics. *World Politics*, 1977, vol. 29, no. 4, pp. 489–522.
4. Dahl Robert A. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph to a Monument of a Successful Protest. *The American Political Science Review*, 1961, vol. 55, no. 4, pp. 763–772.
5. *Essays on the Scientific Study of Politics*. Ed. by J. Storing Herbert. New York, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1962. vii+333 p.
6. *Apolitical Politics: A Critique of Behavioralism*. Eds Charles A. McCoy, John Playford. New York, Thomas Y. Crowell Company Publ., 1967. 246 p.
7. Parenti M. The State of the Discipline: One Interpretation of Everyone's Favorite Controversy. *PS: Political Science and Politics*, 1983, vol. 16, no. 2, pp. 192–193.
8. Easton D. The New Revolution in Political Science. *The American Political Science Review*, 1969, vol. 63, no. 4, pp. 1051–1061.
9. Wolin S. Political Theory as a Vocation. *The American Political Science Review*, 1969, vol. 63, no. 4, pp. 1062–1082.
10. *An End of Political Science. The Caucus Papers*. Eds M. Surkin, A. Wolfe. New York, Basic Books Publ., 1970. 324 p.
11. Ricci David M. *The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven, London, Yale University Press, 1984. 335 p.
12. Eulau H. Foreword: On Revolutions That Never were. *The Handbook of Political Behavior*. Ed. by S. I. Long. New York, Plenum Press, 1981, pp. VII–XV.

13. Kazsa G. Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics. *Ps: Political Science and Politics*, 2001, vol. 34, no.3, pp.597–600.

14. *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. Ed. by Kristen Renwick Monroe. New Haven, London, Yale University Press, 2005. 587 p.

15. Symposium “Perestroika in Political Science: Past, Present, and Future”. *PS: Political Science and Politics*, 2010, vol. 43, issue 4, pp.725–754.

16. Reflections Symposium. *Perspectives on Politics*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 408–430.

For citation: Koryushkin A.I. Historical and actual implications of “Perestroika” movement in contemporary American political science. *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 23–35. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.403

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.;
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.